

Лев Голубев-Качура

*ПРОПАВШИЙ ПАССАЖИР
ТЕПЛОХОДА «ДОСТОЕВСКИЙ»*

БОЕВИК

Лев Голубев-Качура

**Пропавший пассажир теплохода
«Достоевский». Боевик**

«Издательские решения»

Голубев-Качура Л.

Пропавший пассажир теплохода «Достоевский». Боевик /
Л. Голубев-Качура — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-507937-4

Третья книга трилогии «ПРЕДАТЕЛЬ». В ней вы вновь встретитесь с
главными героями, майором Васильевым и капитаном Гросс Екатериной.

ISBN 978-5-00-507937-4

© Голубев-Качура Л.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Предисловие	7
Глава первая	8
Глава вторая	11
Глава третья	14
Глава четвёртая	15
Глава пятая	18
Глава шестая	21
Глава седьмая	24
Глава восьмая	28
Глава девятая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пропавший пассажир теплохода «Достоевский» Боевик

Лев Голубев-Качура

© Лев Голубев-Качура, 2019

ISBN 978-5-0050-7937-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

«Пропавший пассажир теплохода «Достоевский»» – третья книга трилогии «ПРЕДАТЕЛЬ». В ней описываются странные события произошедшие на круизном теплоходе совершавшем рейс НИКОЛАЕВ-СЕВАСТОПОЛЬ».

По заданию руководства УБЭВИЦ расследованием занялись наши старые знакомые: майор Васильев и аналитик Гросс Екатерина.

Эти события не обошлись без боевых действий между «чёрными беретами» и, захватившими в заложники пассажиров, неизвестными лицами...

Предисловие

Во время рейса стюард третьей палубы не досчитался одного пассажира, хотя он, пассажир, прошёл предпосадочный контроль – каюта была пуста!

Поиски пропавшего результата не дали.

А в ночь на второй день рейса вахтенная команда увидела луч света соединивший застывшую над теплоходом яркую звезду с вертолётной палубой... Но вскоре луч света и звезда исчезли.

С этого момента на теплоходе начало происходить что-то непонятное...

Начальник службы безопасности и его подчинённые только недоумевающе разводили руками, не понимая, что происходит... Капитан принял решение – сообщить о пропаже пассажира и сложившемся чрезвычайном положении на корабле администрации порта приписки.

Глава первая

К морскому вокзалу Николаева такси доставило молодого человека приятной наружности.

Он был облачён в серый костюм, а глаза прикрывали тёмные противосолнечные очки.

Расплатившись с водителем, молодой человек, прихватив с заднего сидения кейс, направился напрямик к стоявшему у причальной стенки пассажирскому теплоходу «ДОСТОЕВСКИЙ».

Теплоход наполнялся пассажирами приобретшими билеты на круизный рейс: Николаев-Очаков-Одесса-Евпатория-Севастополь. На пути следования ему вменялось делать остановки, судя по программе круиза, в вышеуказанных городах на сутки-двое.

А обратно он должен был проследовать без остановок от Севастополя до Николаева.

Тихонько насвистывая «Красотки, красотки, красотки кабаре вы созданы лишь для развлечений...» из оперетты Имре Кальмана «Сильва», он подошёл к пассажирскому трапу.

Став за очередным пассажиром, им оказался толстячок с огромным баулом, он, вежливо, но в тоже время немного насмешливо спросил: «Тоже в круиз собрались? А морской качки не боитесь?»

Затем, косо взглянув на баул, он, опять же вежливо посоветовал: «Я бы на вашем месте баульчик-то в багаж сдал. Чего с собой такую тяжесть таскать».

Вытирая пот с блестящей в лучах солнца лысины, толстяк раздражённо ответил: «Не ваше дело! Куда хочу, туда и плыву! Что хочу, то с собой и беру! Стойте, и не вякайте!»

Нечего к людям приставать, и указывать.

Я же не указываю, что вам брать с собой, и что с этим делать»».

Ну да, ну да, снисходительно согласился с ним молодой человек, и улыбнувшись замолчал.

* * *

Пассажиры вереницей, таща чемоданы и сумки, всё поднимались и поднимались по трапу на борт теплохода...

Их встречал старший помощник капитана и двое матросов с коммерческим директором.

Коммерческий директор, стоя прямо у конца трапа, проверял билеты, а матросы объясняли кому, куда идти.

Теплоход был огромен, и впервые попавшим на него пассажирам было легко затеряться в его бесчисленных коридорах и помещениях.

Они, пассажиры, впервые в жизни попав на морской корабль, растерянно-восхищёнными взглядами таращились на всё вокруг.

Робея, предъявляли билет, и спрашивали, где находится такая-то каюта, и как к ней пройти?

Снисходительная улыбка превосходства не покидала лиц бывалых моряков.

Особенно долго и подробно они объясняли молоденьким девушкам дальнейший путь по кораблю.

Но у них перехватывали девушек и других пассажиров вездесущие, пронырливые стюарды.

Подхватив одной рукой чемодан или сумку, стараясь поддержать под локоток какую-нибудь красотку, они провожали их до дверей каюты.

Поставив чемодан или баул на пол, вопросительно глядели в лицо и чего то ждали.

Они не уходили до тех пор, пока пассажир или пассажирка сообщали...

Некоторые догадливые пассажиры и пассажирки, из числа вечных путешественников, достав кошелёк, подавали деньги и благодарили.

А другие, которые...

А недогадливые, или прижимистые, сухо произнеся «спасибо», скрывались за дверью,

Обманувшийся в своих надеждах на чаевые стюард, скривив недовольную мину, быстро возвращался к трапу за новой жертвой...

Молодой человек, предъявив билет, уверенно, словно он уже бывал на теплоходе прежде, или изучил его устройство по каким-то документам, направился к каюте номер семнадцать.

Войдя в неё, он сразу, заперев за собой дверь, открыл кейс, и ни к кому не обращаясь, произнёс: «Я на месте».

Затем, закрыв, положил его в корзину для бумаг, и равнодушно стал наблюдать, как он, вспыхнув голубым пламенем, превратился в горстку пепла.

* * *

Постепенно, словно кит заглотив макрель, теплоход загрузился, оставив на причале кричавших и машущих платочками и шляпами провожающих.

До уплывающих доносились слова прощания и назидания, вроде: «Саша, много не пей, а то я тебя знаю!», или «Наденька, не стой долго под солнцем, тебе вредно! Шляпу не забыла?».

Издав прощальный гудок, круизный теплоход отправился в свой очередной рейс.

Погода вместе с синоптиками обещали много солнца, нежаркие ночи, и вообще – удовольствия, удовольствия...

Им вторили динамики, из которых лились мелодии Глена Миллера...

Постепенно посадочная суматоха начала утихать, и в коридорах корабля воцарилась тишина.

Пассажиры в каютах расслабленно-умиротворённо вытирали вспотевшие лица, или знакомились с временным своим жильём.

Они, любопытствуя, заглядывали в каждый уголок, открывали холодильник, или включали-выключали бра...

А теплоход, вырвавшись из сутолоки порта на морской простор, набирал скорость.

Позади остались: морской вокзал с провожавшими, само здание вокзала, носящиеся над водой крикливые чайки, и все заботы быта.

Лишь пенный след от крутящихся винтов мощных корабельных дизелей сопровождал теплоход в огромном, без конца и края, морском просторе.

Прошло немного времени, и пассажиры, придя в себя и успокоившись, переоделись в яркие лёгкие одежды. А, затем, начали выползать из кают словно муравьи из норок.

До первого общего обеда была ещё уйма времени.

Поэтому, более солидные пассажиры торопились завести себе новых друзей и товарищей по игре в бридж, или погонять шары по зелёному сукну бильярдных столов.

Молодёжь же начала во всю флиртовать. Для этого на теплоходе были созданы все условия – отсутствие родительской опеки, полная свобода в выборе желаний и партнёров. И, конечно же, расслабляющая мелодия льющейся из динамиков музыки...

Обстановка на круизном судне всей своей откровенно-чувственной аляповатостью прямо таки подталкивали человека совершать необдуманные поступки, ослабляли внутренние запреты, а иногда и вовсе убирала их.

Для этого были созданы все условия, как-то:

Рестораны и буфеты с прекрасной кухней.

А в них, дополнительно, предлагался набор напитков.

Танцевальная площадка и помещения для игры в карты и бильярд, бассейны и прогулочные палубы...

И много-много разных соблазнительных вещей... Которых человек никогда бы не увидел, и не вкусил за всю свою жизнь, и, о которых мог только мечтать.

Да что мечтать, он даже во сне не увидел бы.

И он, человек, наслаждался, купался в них! И причмокивая, говорил – красотища-то какая!

Всё это великолепие было собрано, и с умом размещено на теплоходе.

И везде, словно золотые рыбки в аквариуме, порхали вышколенные до автоматизма, с вечно застывшей улыбкой на лице, стюарды и стюардессы.

И если бы пассажир даже попытался избежать выставленных на показ соблазнов и роскоши, он бы не смог этого сделать.

Они прямо таки кричали ему в уши, лезли в глаза, не оставляя времени задуматься о призрачности всей этой сказочно-прекрасной мишуры.

И многие пассажиры, не выдержав атаки окружавших их соблазнов, сдавались...

Глава вторая

Коммерческий директор, убедившись, что все пассажиры, согласно списку переданному из билетных касс, на борту, подошёл к старшему помощнику.

– Николай Фёдорович, все пассажиры в наличии. Опоздавших нет. Посадка никаких проблем не доставила.

– Прекрасно, Панас Григорьевич. Да я и сам видел, вы хорошо всё организовали. Молодец!

Продолжайте и дальше так работать. Я вами доволен.

Так что можете пойти отдохнуть, – ответил старпом. – А я пойду доложу капитану.

Панас Григорьевич довольный похвалой старпома, и в предвкушении скорого обеда, решил пройтись по кораблю. Его не столько беспокоило размещение пассажиров (он был уверен, что всё в полном ажуре), сколько желание нагулять аппетит.

Спустившись в коридор первого класса (на теплоходе пассажиры размещались в каютах, в зависимости от собственного бюджета – от первого до четвёртого классов).

Первый класс был самым дорогим и престижным.

В нём размещались люди побогаче, с достатком

И, конечно же, получали услуги тоже в зависимости от класса кают.

Пассажиры первого и второго классов могли пользоваться бассейном, курительным салоном, помещением для деловых встреч, и игры в карты... Ну, и конечно же, баскетбольной площадкой и теннисным кортом.

Да и много ещё чем могли воспользоваться, что не входило в стоимость билетов пассажиров третьего, а тем более четвёртого классов.

Вероятно поэтому Панас Григорьевич предпочитал пройтись и посмотреть на пассажиров именно этих классов, пассажиров более уважаемых, одетых в смокинги, и куривших дорогие сигары, или сигареты.

Да и себя, чего уж тут греха таить, он хотел показать всемогущим директором, от которого на корабле многое зависит.

Показать себя этим пассажирам, так, на всякий случай, вдруг какое-нибудь знакомство в жизни пригодится. А нет, так хотя бы покрасоваться, пустить пыль в глаза.

* * *

Он шёл по устланному ковровой дорожкой коридору, любезно раскланиваясь с мужчинами, холёнными женщинами и их отпрысками.

Вежливая, профессиональная улыбка не покидала его лица, и лишь иногда, на короткое мгновение, на нём проскальзывало что-то жестокое и ненавидящее.

У самого входа в ресторан он столкнулся, почти нос к носу, с начальником службы безопасности и двумя его подчинёнными.

– Как успехи, Вениамин Семёнович? – немного иронически поинтересовался директор. – Всех шпионов и нарушителей судового порядка выловили, или как? Может кто-то остался? Так я, с вашего позволения, помогу.

Начбез, посмотрел на него, как на недалёкого человека, или прилетевшего с луны.

– Вашими молитвами. Вашими молитвами, – в тон ему ответил офицер, и не задерживаясь, пошёл дальше.

Его подчинённые, не убирая с лиц официального выражения, последовали за ним.

Тоже мне... Корчит из себя чего-то, прошипел ему вслед Панас Григорьевич!

После этой короткой встречи настроение его испортилось, и он, бубня: «Выскачка! Тоже мне, Царь и Бог... Давно ли на захудалом вокзалишке штаны протирали?», – прошёл к барной стойке.

– Налей-ка мне, любезный, коньячку грамм двадцать... Нет, лучше пятьдесят, – приказал он бармену.

Пока бармен наливал коньяк, он внимательно рассматривал его. Придя к какому-то выводу, он спросил:

– Ты из новеньких, что ли? Что-то я тебя раньше не видел здесь, – и добавил: – «Запиши на мой счёт. Он у меня давно открыт. Посмотри свои талмуды, если не веришь. Я старожил уже, между прочим».

– Да. Я первым рейсом иду, – наливая напиток в стакан, ответил молодой парень, – Почему под запись? Вы кто будете?

– Я-то... Я коммерческий директор! – с апломбом ответил Панас Григорьевич. – Так что... наливай и записуй – грубо ответил он.

Бармен нерешительно посмотрел на Панаса Григорьевича, затем перевёл взгляд в сторону стоявшего чуть в стороне администратора.

Поняв его немой вопрос, администратор разрешающе кивнул головой.

А Панас Григорьевич, взяв со стойки стакан, сделал глоток, и отвернувшись от бармена стал рассматривать сидящих за столиками посетителей.

Их было не очень много. Все разные: не только по одежде и драгоценностям на супругах, но и по поведению.

Смокинги, вечерние платья... – это был другой мир!

Но у всех на лицах были написаны самодовольство, и даже какое-то пренебрежение к окружающим.

От одного их вида у Панаса Григорьевича что-то сжалось внутри, и он прошипел, но так тихо, что стоявший за стойкой бармен ничего не понял – «Пиявки! Кровососы! Жируете? Мне бы ваши деньги, с завистью подытожил он свою обличительную речь!».

Но всё же один человек его услышал. Это был молодой человек в элегантном сером костюме и тёмных очках, который только что вошёл в салон. Он внимательно посмотрел на коммерческого директора, словно пытаясь запомнить его.

Сев рядом, он обратился к бармену:

– Пожалуйста, дайте мне стакан апельсинового сока.

– И... больше ничего? Может ещё чего-нибудь закажете? У меня есть орешки вкусные...

Бармен удивлённо уставился на странного, по его мнению, молодого человека. Кто же из уважающих себя пассажиров пьёт просто апельсиновый сок. Пьют коньяк, бренди, или модное сейчас виски, а этот...

Его глаза ясно говорили – какой-то ненормальный. Кто просит апельсиновый сок вместо коньяка или шампанского... И он переспросил:

– Вы, действительно, хотите сок, а не чего-нибудь покрепче?

– Да. Стакан апельсинового сока, – подтвердил свой заказ посетитель.

Услышав подтверждение заказа лицо бармена отразило все его чувства: непонимание, недовольство, пренебрежение, и даже жалость к клиенту, который, вероятно, случайно забрёл в дорогой салон.

Сидевшие за столиками посетители тоже услышали просьбу молодого человека, и словно на белую ворону, случайно затесавшуюся в стаю чёрных, обратили на него удивлённые взоры.

Женщины и девушки сразу решили – красавчик! Обязательно надо с ним познакомиться.

А он, несколько не смущаясь, стал тоже их разглядывать. Правда, смотрел он не на их лица, а на их костюмы, и драгоценности на шеях и запястьях дам и девушек.

Рассмотрев, он довольно улыбнулся, и, допив сок, не произнеся ни слова покинул салон.

Словно брошенный камень в пруд, от которого расходятся круги, было появление молодого человека в обществе респектабельных посетителей.

И, как только внешний раздражитель ушёл, круги постепенно угасли – опять воцарились покой и тишина – солидные люди должны вести себя солидно. Они же не как некоторые...

Вот и вели они себя солидно, согласно своему статусу и положению в обществе.

Глава третья

С раннего утра над морем повисло жаркое летнее солнце. Своими лучами оно постаралось проникнуть во все щели и глухие закутки теплохода, нагрело палубу и воду в бассейне.

Пассажиры покинули каюты и разбрелись по теплоходу в зависимости от своих вкусов и желаний.

Большинство мужчин щеголяло в белых шортах, а женщины среднего возраста и девушки надели яркие цветастые сарафаны. У некоторых на носу были прилеплены обрывки газет.

Прошло часа два-два с половиной и молодёжь вообще скинула верхнюю одежду, оставшись в плавках и купальных костюмах – подошла очередь бассейна.

А детишки уже давно плескались на отведённом для них месте. Оттуда доносились детский радостный смех и визги.

Это был для них *рай*, и они блаженствовали в нём, наслаждались кто как мог!

Пожилые матроны, оккупировав пляжные кресла и шезлонги, спрятались от солнца под зонтами, и оттуда, сплетничая, наблюдали за происходящим.

Палубы теплохода превратились в цветники, среди которых яркими бабочками носилась детвора.

Не пустовал и салон с биллиардными столами и столиками для игры в карты.

Здесь, в большинстве своём, были мужчины среднего и пожилого возраста – солидные, а некоторые даже с брюшком. В общем..., солидные и респектабельные.

И разговоры они вели неторопливые: всё больше о делах и ставках на бирже.

Среди них, переходя от одной группы к другой, а иногда и включаясь в разговор, находился коммерческий директор.

Большинство присутствующих были с ним знакомы по прошлым поездкам, или только что познакомившись. Поэтому никто не чурался его, не замолкал при его приближении, а продолжали вести деловые разговоры, или обговаривать совместные планы.

Для них он был «свой» человек.

Подойдя к одной небольшой группе, он услышал, как солидный мужчина спрашивал совета по поводу сохранности драгоценностей во время пребывания на теплоходе.

Кто-то, он не понял кто, ответил:

– Я полностью доверяю нашему капитану Василию Кирилловичу и корабельному сейфу. Я не первый раз пользуюсь сейфом, и не было ещё случая, чтобы из него что-нибудь пропало. Можете смело доверить драгоценности своей жены им – это надёжно.

– Спасибо за совет. Так и скажу жене, что она может не беспокоиться.

Правильный совет, поддержал говорившего подошедший Панас Григорьевич. Это безопаснее, чем оставлять драгоценности, хотя и в запертой каюте, но без присмотра... Наш сейф и служба безопасности гарантируют сохранность!

Он ещё не закончил говорить, как почувствовал направленный на себя чей-то взгляд.

Повернув голову, Панас Григорьевич увидел сидевшего на диване молодого человека. Того, который вчера попросил у бармена апельсинового сока. И так неучтиво отказавшегося от всего остального.

Он был всё так же одет «с иголочки», а в руках держал дорогую сигару.

Взгляд его был изучающе-холодным, до такой степени холодным и изучающим, что у Панаса Григорьевича непроизвольно пробежал мороз по коже.

Глава четвёртая

Пассажир из каюты номер семнадцать оказался очень любознательным человеком. Сразу после обеда он самостоятельно отправился осматривать теплоход.

Вначале он прогуливался по пассажирским палубам, побывал в салонах первого, второго и третьего классов.

Затем, его можно было увидеть в концертном зале.

В нём он провёл не менее часа, наблюдая за репетицией оркестра, и молодой исполнительницей современных песен. Он даже похлопал в ладоши после одной исполненной ею песни, за что получил замечание от режиссёра.

А если попросту – то его вежливо попросили покинуть зал, чтобы не строил ей глазки и не отвлекал, так раздражённо сказал раздрадованный руководитель оркестра.

Пассажир совершенно не обиделся, лишь с улыбкой покидая зал, извинился за прерванную по его вине программу.

Режиссёр, провожая его мрачным взглядом, пробормотал: «Путаются здесь всякие под ногами. Мешают работать с коллективом. Вот теперь заставь её опять настроится на рабочий лад».

* * *

Следующим объектом его «экскурсии» оказался капитанский мостик.

То место, куда пассажирам было запрещено заходить.

Скорчив гримасу пьяницы, и бормоча: «Я хочу выпить...», он стал, спотыкаясь, подниматься по трапу.

Поднявшись, он, продолжая изображать пьяного недоумка, открыл дверь в святая святых теплохода – рубку управления судном.

Быстро окинув цепким, запоминающим взглядом оборудование и приборы, он заплетаясь языком пьяницы, спросил: «Подскажите, пжалста, где расположился бар с «нектаром молодости и здоровья? Он куда-то убежал...»

Находящаяся в рубке вахтенная команда во главе с третьим помощником, молодым розовощёким моряком, при вопросе пьяного пассажира рассмеялась.

Сидящий на диване, в свободной позе ничем не занятого человека, начальник службы безопасности быстро поднялся.

Подойдя к пассажиру, он повернул его лицом к двери, и со словами: «Здесь посторонним нельзя находиться!», подтолкнул его к выходу.

Про-сти-те, заплетаясь языком и икая, начал извиняться пассажир, я на-вер-ное ошибся дверью.

Ошиблись, конечно ошиблись, с улыбкой подтвердил его слова третий помощник. Вам нужно спуститься на две палубы ниже: там вы найдёте свой нектар молодости и здоровья.

Спа-си-бо, поблагодарил разыскивающий «нектар» пассажир, и неуверенно стал спускаться по трапу.

На предпоследней ступеньке он всё же не удержался на ногах, и покатился вниз.

Моряки, увидев падение, пожалели его. А молодой помощник даже, сострадая, прошептал: «Бедняга».

И больше на него никто не обращал внимания. Им было не до него. Они находились на службе.

А пьяница, кое-как поднявшись, пошатываясь и хватаясь руками за что под руку попадёт, побрёл прочь. Скрывшись из поля зрения вахтенных, он внезапно протрезвел.

Больше не качаясь, он направился к радиорубке.

Подёргав за дверную ручку, и убедившись, что дверь заперта, прошептал: «Радист запирается изнутри. К нему так просто не попасть...», начал спускаться на следующий дэк (палубу).

Никого не встретив на своём пути, он дошёл до входа в машинное отделение.

* * *

Потянув на себя металлическую дверь, на которой на двух языках – русском и английском, было написано – *«Внимание! Посторонним лицам вход строго запрещён!»*, он вначале заглянул внутрь.

Открывшееся перед ним машинное отделение – железное «сердце» дизель-электрохода, предстало перед любознательным пассажиром.

Убедившись, что ничто и никто не помешает ему, он шагнул внутрь.

Снизу пахло горячим воздухом с примесью машинного масла, и шумом работавших дизелей.

Дизеля – громадины высотой с двухэтажный дом, издавали тот неповторимый рокот, что присущ только работающим моторам в закрытых помещениях,

Сам же машинный зал был величиной с трёхэтажный дом! Вокруг, вдоль бортов, если сравнивать с жилым домом, на каждом этаже были проложены металлические террасы, с ограждением.

Опять же, если сравнивать с жилым домом, то по ним свободно могли передвигаться люди с чемоданами, и другими, необходимыми в их жизни вещами.

И всё это соединялось лестницами, по которым, если это вызывалось необходимостью, сновали одетые в униформу, машинисты и наладчики.

Создавалось впечатление, что двигатели находятся в окружении металлического кружева, созданного человеческим разумом.

Осторожно, шаг за шагом, постоянно прислушиваясь не раздастся ли шум чых-либо шагов, он начал спускаться.

Ниже, на уровне второго этажа, он обнаружил небольшой коридор. Пройдя по нему несколько шагов, он упёрся в закрытую дверь.

Но она, к его неописуемой радости, тоже оказалась не запертой.

Потихоньку отворив её, пассажир заглянул внутрь...

То, что предстало его взору, не удивило его, а лишь отразилось на лице чувством полного удовлетворения.

Он словно ожидал увидеть то, что увидел – помещение с сотней приборов и экранов, и тысячей, никак не меньше, мигающих, или светящихся ровным светом разноцветных индикаторов!

За пультами сидело двое операторов, а третий, склонившись к какому-то прибору, что-то записывал в тетрадь.

Удовлетворённый увиденным, пассажир каюты номер семнадцать отправился в обратный путь.

Уже открывая дверь чтобы покинуть машинное отделение, он столкнулся с человеком в морской форме.

– Вы что здесь делаете? – строго спросил моряк с двумя, серебряного цвета, шевронами на рукавах форменного кителя.

– Я...? Я... хотел посмотреть, что движет наш пароход, – робко ответил пассажир. – Это настолько интересно...

А почему людей так мало? Оно, что, само работает? Можно я ещё посмотрю?

– Сюда категорически запрещено входить посторонним лицам! – ещё строже сказал моряк. – К тому же это... не...

Прежде чем ответить, он внимательно посмотрел на непонятливого пассажира, скорее всего дремучего деревенского увальня, который не может отличить теплоход от парохода:

...не пароход, а дизель-электроход, – поправил моряк «тупоголового» пассажира.

Вы видели надпись на двери? Там ясно написано, не только на русском языке, но и по-английски – «Посторонним вход строго воспрещён!» Видели?

– Я не посторонний, – прикинулся дурачком пассажир, – я плыву на этом паро..., простите, теплоходе.

Моряк, услышав ответ пассажира, только вздохнул. Он понял – пассажир «ничего не понял из его строгого нравоучения», и посторонившись, пропустил его к выходу.

Заперев за пассажиром дверь, моряк, шепча: «Откуда только берутся такие тупицы?», начал спускаться.

А пассажир, покачивая головой, и с сарказмом шепча: «Ох, уж эти самодовольные моряки всех времён и народов», возвратился к себе, в каюту номер семнадцать.

Подняв трубку внутреннего телефона и услышав в ответ – «Ресторан», он заказал бутылку шампанского, кофе, фрукты, и парочку бутербродов с сыром и колбасой в номер.

Глава пятая

Дизель-электроход «ДОСТОЕВСКИЙ», сияя огнями, шёл по ночному Чёрному морю к промежуточной остановке – городу Одессе. Городу каштанов и акаций.

Городу, населённому людьми с разным цветом кожи.

Вахтенная команда под строгим надзором старпома молчаливо управляла судном.

Каждый занимался своим, знакомым ему делом.

Дизеля под руководством опытного механика, в унисон издавая равномерный рокот, работали на две трети своей мощности.

Для расчётной скорости этого было вполне достаточно.

Высоко в небе, среди мириады звёзд, масляным блином висела луна.

Лунная дорожка, слегка покачиваясь на небольших, создаваемых летним бризом волнах, пролегла до самой границы видимости.

Для ночного времени видимость была отличной.

Вахтенный рулевой, изредка поглядывая на картушку компаса, лишь слегка подправлял ход теплохода, чтобы он не уваливался от намеченного курса.

– Не уваливайтесь на правый галс! – заметив небольшое отклонение от намеченного направления хода, строго попенял рулевому опытный старпом.

– Виноват, Николай Фёдорович, – ответил рулевой, и чуть повернул штурвал.

Теплоход, послушный переданной через штурвал команде, стал на прежний курс.

– Так держать!

– Есть, так держать! – ответил рулевой.

– Механик, как обороты? – поинтересовался старпом, повернув голову к механику.

– На двух третях идём, Николай Фёдорович. Всё нормально. При такой погоде и оборотах винтов придём вовремя.

– Спасибо! – поблагодарил старпом, – вы хорошо справляетесь со своим делом.

Думаю, моя помощь вам совершенно не нужна.

Проверив показания лага, и убедившись, что судно идёт с необходимой расчётной скоростью и в заданном направлении, Николай Фёдорович произнес: «Я выйду на боковой мостик покурить, а вы тут смотрите. В случае чего, немедленно зовите», направился к двери.

– Не беспокойтесь, Николай Фёдорович. Всё будет тип-топ! – уверенно ответил механик. – Чай, не первый год замужем, – пошутил он.

* * *

Покинув рубку, Николай Фёдорович облокотился на столбик леерного ограждения, и закулив сигарету, залюбовался ночным небом.

Откуда-то, наверно сидевшие глубоко в подсознании, неожиданно вспомнились, он не был уверен в их точности, строки из стихотворения Великого кобзаря:

Дывлюсь я на нэбо, та думку гадаю,
Чому я нэ сокил? Чому нэ летаю?
Чому ты мени боже крылов нэ дав,
Я б зэмлю покинув, та в нэбо злитав...

Прошептав эти строки, он надолго задумался.

Вспомнились молодость, школьные годы, и мечта стать лётчиком.

Но мечте не суждено было воплотиться в жизнь. Она разбилась после результатов прохождения медицинской комиссии – его забраковали!

Тогда он, с горя что ли, подал документы в мореходное училище, и впоследствии никогда не пожалел об этом.

Он, если можно так сказать, прикипел к морским просторам и кораблям. Они стали его жизнью навсегда.

Теперь он старший помощник, и в перспективе, если в его жизни всё будет нормально, капитан этого же теплохода, так ему сказали в отделе кадров, когда назначали на «ДОСТОЕВСКИЙ».

Василий Кириллович Звягинцев, теперешний капитан, ходит последнюю навигацию – возраст уже не тот.

В конце этого года он уходит на пенсию, сказал начальник отдела кадров. Да и он сам просил именно Вас назначить к нему: он кому попало не хочет доверить своё детище. Он к нему, как бы это сказать, прикипел что ли.

А сам Василий Кириллович, при их первой встрече, посмеиваясь в седые усы, сказал: «Укатали сивку крутые горки. Пора и честь знать, Я свою дань морю отдал. Надо молодёжи место уступить».

Какой же я молодой, немного обиделся на слова старого капитана Николай Фёдорович? Мне, Слава богу, уже сорок стукнуло!

Сорок, не шестьдесят три, вздохнув, произнёс Василий Кириллович. Вот, когда вы доживёте до моих лет, тогда и поймёте мои слова...

Я рад, что именно вас назначили ко мне старпомом.

Надеюсь, вы не подведёте старика, ни сейчас, ни потом.

А судно под вашим руководством ещё долго будет радовать пассажиров...

* * *

Николай Фёдорович, ещё бы, наверное, полюбовался ночным морем, и порадовался ходом теплохода, но неожиданно возникший на корме свет отвлёк от лирического настроения, и насторожил его.

Сверху, над теплоходом, как раз над вертолётной площадкой, зависло какое-то непонятное сооружение, формой напоминающее огромный огурец, или похожее на него.

Оно не обгоняло теплоход, и не отставало от него, оно словно прилипло к судну.

Николай Фёдорович перебрал в памяти формы нескольких летательных аппаратов, и остановившись на одном из них, ахнул – так это же..! Не может быть! Неужели это дирижабль?! Судя по тишине работавших моторов, и то, как неожиданно он появился над теплоходом..., скорее всего это... действительно он...

Из его нижней части бил яркий луч света прямо в середину посадочного круга. И вдоль этого луча скользили тени, похожие на людей.

Всё это происходило беззвучно, словно в немом кино.

Николай Фёдорович прошептал: «Сплю я, что ли? Чертовщина какая-то!», потёр глаза, пытаясь избавиться от морока.

А когда их снова открыл, никакого луча не было, и непонятное сооружение не висело над теплоходом...

Привидится же такое..., прошептал он с сомнением.

Постояв некоторое время в раздумье, он позвал вахтенного матроса.

А когда тот появился, приказал:

– Игорь, сбегай-ка на корму, и посмотри всё ли там в порядке? И быстро назад!

– Сделаем, Николай Фёдорович, – ответил матрос, и скорым шагом направился к корме.

Старпом, не покидая мостика, стал с волнением ждать его возвращения. А голову продолжала сверлить мысль – померещилось мне, или нет?

Не дожидаясь доклада вернувшегося матроса, старпом быстро спросил:

– Ну, что там? Почему так долго не возвращался? Что-то увидел?

Глаза старпома выжидательно смотрели на матроса.

– Всё нормально Николай Фёдорович. Шлюпки на месте – зачехлены. Посторонних тоже нет, даже влюблённых парочек...

– Спасибо! Можешь быть свободным..., пока.

Старпом ещё постоял, посмотрел на фосфоресцирующий пенный след от винтов, и опять тяжело вздохнув, вернулся на командный мостик.

Ничего не сказав механику и рулевому, всё также задумавшись, он достал вахтенный журнал, и медленно открыл.

Затем, встряхнув головой, словно освобождаясь от сомнений, казённым слогом записал:

«В двадцать три часа семь минут московского времени наблюдал над кормой странное сооружение. Из него бил луч света, и, кажется... Он зачеркнул слово „кажется“, и написал – и вдоль него на судно, в районе вертолётной площадки, спустились несколько, похожих на людей, существ».

Закончив писать, он с чувством выполненного долга, закрыл журнал.

Набрав номер телефона начальника службы безопасности, он вкратце рассказал о происшествии, свидетелем которого стал. Под конец разговора он спросил:

– Как думаете, Вениамин Семёнович, стоит будить капитана?

– Успокойтесь Николай Фёдорович. Думаю..., не стоит. Утром разберёмся.

Старпом почувствовал в ответе начальника службы безопасности какую-то недоговорённость, или, вернее, сомнение в здравом уме старпома.

Может, правда, мне всё это показалось, и я поднимаю шум на пустом месте, пожав неопределённо плечами, спросил себя Николай Фёдорович? Или у меня что-то с психикой?

Так, до конца вахты он и просидел на диване, не произнеся ни слова.

Он только спрашивал себя: показалось ему, что над теплоходом завис то ли дирижабль, то ли какой-то другой летательный аппарат, или нет?

И спускались ли из него на вертолётную площадку то ли люди, то ли какие-то существа?

А может это всё же помстилось мне?

Глава шестая

Василий Захарченко ходил на теплоходе второй год. После окончания мореходного училища с красным дипломом и стажировки, его оставили работать на «Достоевском».

Он даже не мечтал о таком повороте в своей судьбе.

Его мечты не распространялись дальше небольшого буксира, или невзрачного пассажирского теплоходика, и каботажного плавания. А тут...

Он третий помощник капитана на круизном дизель-электроходе – белоснежном красавце!

Стоя перед зеркалом и водя бритвой по щекам, он невольно улыбнулся.

Зеркало мгновенно отразило и его юношескую улыбку, и розовощёкое, покрытое светлым пушком лицо.

Он мог бы ещё долгое время не прикасаться к бритве, но ему хотелось выглядеть более мужественно, настоящим морским волком!

Но это не очень-то ему удавалось: молодость, жизнерадостность, и не прошедшая ещё ребячливость выдавали его. Но он старался, очень старался.

Всё видели его потуги, но не насмешничали.

Вася, чтобы казаться старше, надевал на себя маску строгости, но ему не удавалось надолго её сохранить – молодость брала своё.

И сегодня, заступая на утреннюю вахту, он, поднимаясь на мостик, невольно задержался на последней ступеньке трапа: яркое, словно умытое росой, утреннее солнце ласково светило с безоблачного неба.

Вокруг, от края до края, простиралось, покрытое небольшими волнами, море.

Стояло, если бы это было осенью, бабье лето. Но это было лето, самая его середина. Настоящее лето.

Вася невольно закрыл глаза, и подставил лицо солнцу – блаженная улыбка счастья, легла на его лицо.

Но он быстро опомнился, и на мостик поднялся молодым, строгим помощником капитана.

Поздоровавшись со всеми, он вежливо спросил у сидящего на диване старшего помощника:

– Николай Фёдорович, как прошла вахта?

На его вопрос последовал односложный ответ:

– В вахтенном журнале отмечено.

Вася удивлённо посмотрел на старпома – никогда ещё Николай Фёдорович не отвечал таким образом. Он всегда старался помочь молодому помощнику. Он много знал, и был для Васи многогранным источником знаний. А сегодня его словно подменили.

Старпом, прощаясь, сухо произнёс: «Вахту сдал!»

Вася был крайне удивлён его холодным тоном.

Изучающе посмотрев на старпома, и не поняв, почему Николай Фёдорович так сухо ответил, Вася, пожав плечами, произнёс дежурную фразу: «Вахту принял».

* * *

Спокойно заканчивался второй час Васиной вахты. Ничто не предвещало каких-либо неожиданностей ни с погодой, ни с управлением кораблём.

Всё также в небе висело и светило солнце, всё также ровно рокотали дизеля, и всё также форштевень теплохода, словно плугом, разрезал волны.

Пассажиры играли в волейбол, купались и загорали, а некоторые просто прогуливались и вели разговоры.

Недавно познакомившаяся молодёжь, скрываясь от нескромных взглядов в укромных уголках, целовалась.

Жизнь продолжалась!

Через несколько минут теплоход должен был повернуть на тридцать градусов влево, чтобы обойти рифы.

Вася, стоя возле рулевого, повернул голову в сторону «колдовавшего» над картой с циркулем в руках, пожилому штурману.

– Виктор Артёмьевич, когда поворот?

– Через семь с половиной минут.

Вася внутренне приготовился к выполнению маневра.

Это был не первый в его жизни поворот корабля.

Выдержав небольшую паузу, громко произнёс: «Всем приготовиться к изменению курса!», и стал наблюдать за стрелкой на корабельных часах.

Когда она, стрелка, отсчитала необходимое время, Вася, не повышая голоса, приказал рулевому:

– Костя, лево на борт, тридцать градусов!

– Есть лево на борт, тридцать градусов! – ответил рулевой, и повернул штурвал.

Но теплоход продолжал идти прямо!

– Костя, я же приказал – лево тридцать градусов! – повысил голос Вася. Ты почему не слушаешь приказа? Выговор захотел получить? Так это я быстро устрою!

– Я сделал, как вы приказали, – уверенно ответил рулевой.

Вася взглянул на стрелку, показывающую угол поворота рулей: она стояла на отметке тридцать градусов!

Тогда он, уже начиная волноваться, скомандовал:

– Костя, угол сорок пять градусов!

– Есть, сорок пять градусов.

Но теплоход, словно норовистая лошадка, не послушавшись приказов седока, продолжал со скоростью четырнадцати узлов, двигаться прямо!

– Штурман, расстояние до рифов? – спросил Вася.

А сам в это время быстро вспоминал техническую характеристику теплохода, которую совсем недавно изучал:

При такой скорости остановочный путь составит... восемь миль...

И услышал ответ штурмана: «Шесть миль и два с половиной кабельтова».

Мы налетим на полосу рифов и разобьёмся, с испугом подумал Вася! Но вслух этого не произнёс, он лишь подумал так, а мозг уже лихорадочно искал решение...

И он, мозг, нашёл его! Вася громко скомандовал:

– Механик, машины стоп!

Дождавшись от механика ответа: «Машины стоп!», он сразу же подал следующую команду:

– Машины, назад, полный!

А, затем, уже чуть не плача, добавил:

– Захар Петрович, миленький, самый, самый полный назад...

– Дизеля могут не выдержать, Василий Егорович, – сомневаясь в правильности команды, ответил механик. – Я же за них отвечаю. Главмех мне голову, как курёнку свернёт! Вот хоть выговор давайте, а не могу я...

– А, если мы разобьёмся о рифы? Зачем нам тогда дизеля? – спросил Вася.

И уже более уверенно, не сомневаясь в правильности принятого решения, повторил:

– Назад, самый полный!

Глава седьмая

Моторы работали на пределе своих возможностей, даже перегородки машинного отделения вибрировали, и издавали звук похожий на стон...

Пассажиры, не догадываясь о грозившей им опасности, продолжали веселиться или флиртовать.

Только один пассажир – молодой человек из каюты номер семнадцать – старался не привлекать внимания, медленно продвигался всё ближе и ближе к спасательному кругу.

Только по его напряжённому лицу, словно он ожидал, или был уверен в какой-то неприятности, можно было догадаться о надвигающейся на теплоход катастрофе.

Но никто не обращал на него внимания.

Он был здесь, и вроде его не было.

Отдыхающим не было до него никакого дела. Каждый был сам по себе! И отдыхал согласно своему представлению о полноценном отдыхе.

Отдыхающие продолжали, каждый по своему, и в зависимости от «размеров» собственного кошелька и внутренних потребностей, «отдыхать».

А он, молодой человек, остановившись около спасательного круга, стал внимательно наблюдать за движением теплохода и действиями вахтовой команды.

Он всё видел и всё примечал, и делал выводы: правда, не очень утешительные.

Со своего места ему хорошо был виден капитанский мостик, и всё то, что там сейчас происходит.

Он видел, как туда быстро поднялись капитан, старший помощник, и главный механик с инженером-электриком.

Он догадывался о причине их срочного появления на мостике. И догадывался, вернее, был уверен в последствиях катастрофы.

* * *

Капитан, появившийся на мостике прежде остальных, спросил у Васи:

– Что случилось Захарченко? Доложите!

Вася, торопясь, рассказал, о вышедшем из строя рулевом управлении и принятых им мерах.

Пока он докладывал, прибыли остальные, главные руководители.

А теплоход, потеряв управление, продолжал быстро приближаться к поясу рифов.

Капитан, выслушав доклад третьего помощника, голосом, который все слышали, сказал:

– Беру управление на себя! Главмех и инженер-электрик, немедленно найти и устранить неисправность! Захарченко, вы остаётесь при мне!

Главмех и электрик побежали выполнять приказание капитана...

А теплоход, немного замедлив ход, продолжал приближаться к рифам!

– Штурман, сколько до рифов? – резко спросил капитан.

– Одиннадцать кабельтов, – последовал быстрый ответ. Если теплоход не остановится..., то мы врежемся в них, и распорем днище.

Вася, прикинув скорость теплохода и расстояние до рифов, закрыл глаза, и не зная, как остановить корабль, стал просить Всевышнего о помощи.

А штурман, словно метроном, громко отсчитывал оставшееся расстояние – три кабельтовых, два, полтора...

Теплоход, словно подчинившись воле находящихся в рубке людей, сначала остановился.

Затем, некоторое время постояв на месте, медленно,, словно сопротивляясь притяжению, двинулся назад...

Полоса рифов, которую уже можнот было видеть невооружённым глазом, стала отодвигаться.

Вася, словно замороженный, смотрел, на них, и не мог отвести взгляд.

Он видел, как они плевались пеной, и слышал, так ему показалось, их обиженное, злобное рычание.

Ему даже на мгновение привиделось, что они, рифы, протянув корявые лапы к теплоходу, пытались схватить, удержать его...

Когда теплоход отошёл от них на пару кабельтов, из груди находящихся на мостике моряков вырвался общий вздох облегчения!

А, затем, словно их расколдовали, они задвигались.

Теплоход, теперь уже задним ходом, начал набирать скорость, и капитан приказал механику:

– Захар Петрович, назад, малый. А, затем, и вовсе последовала команда: «Стоп машины!».

Теплоход ещё некоторое время, по инерции, двигался задним ходом, а потом и вовсе остановился.

Он застыл, словно ожидая следующей команды.

Вскоре последовали ответы от главного механика и инженера-электрика, которые были посланы для уточнения причин отказа рулевого управления. Такого непонятного, и совершенно неожиданного отказа.

* * *

Первым позвонил главный механик. В его голосе капитан уловил явное неверие тому, что узнал.

– Что у вас, Сергей Иванович? – Докладывайте! – приказал капитан, – только коротко. Время дорого.

Главмех взволнованным голосом стал докладывать:

– Понимаете, Василий Кириллович, мы проверили всю механическую часть привода рулей, и в одном месте обнаружили излом штока.., больше чем на половину его толщины, а, затем, он и вовсе переломился...

– Исправить можно?

– Мы уже занимаемся им, – ответил Сергей Иванович. У меня в запасе есть новый.

– Сколько вам потребуется времени? – поинтересовался капитан.

– За два часа управимся. Но понимаете...

– После, Сергей Иванович, после. А сейчас поторопитесь с ремонтом. Судно не может долго находиться без управления! Как только закончите, сразу доложите.

– Сделаем, – ответил главмех, и отключился.

Инженер-электрик, выйдя на связь, лишь сказал, что электрическая часть в рабочем состоянии, повреждений, или «коротышей» в цепи не обнаружено.

Дублирующая часть тоже в порядке.

– Спасибо! – поблагодарил капитан.

Закончив выслушивать доклад, он, задумавшись, уставился в обзорное окно.

Перед выходом в рейс он, и главмех с электриком, вместе, обошли и проверили всю механическую и электрическую части теплохода. Даже провели небольшие швартовные испытания, благо времени хватало.

Целая неделя, это семь полных рабочих дней были в их распоряжении.

Допустим, швартовные испытания мы провели наспех, всё-таки время поджимало, но остальное-то мы тщательно проверили... Как же мог шток переломиться?

Но тут другая мысль перебила первую – стоящее без движения судно вызовет недоумение и сотню вопросов у пассажиров... Надо отвлечь их внимание.

Захарченко, срочно вызовите на мостик нашего массовика, приказал он Васе!

Сейчас, Василий Кириллович.

Пришедший, средних лет мужчина, вопросительно поднял взгляд на капитана.

– Слушаю вас, Василий Кириллович. Зачем, вдруг, понадобилась моя персона? – поинтересовался он.

– Степан Кузьмич, необходимо срочно организовать какую-нибудь викторину, соревнование... В конце концов концерт, или танцы... – сказал капитан, – неважно, что. Главное, убрать с палуб как можно больше пассажиров. Придумайте что-нибудь.

– Что-то случилось, Василий Кириллович?

– Случилось. Теплоход около двух часов не сможет двигаться. Необходимо чем-то отвлечь пассажиров!

– Без подготовки... Не знаю... – засомневался штатный массовик-затейник.

– Вот именно, без подготовки! И немедленно! – повысил голос капитан. Вы за это зарплату получаете, а не я!

– Понял. Разрешите идти выполнять?

– Идите, идите! Займитесь своими прямыми обязанностями! – не смягчая тона, произнёс капитан, и отвернулся. – Зачем такие люди идут в нелюбимую профессию?

Вскоре по всем палубам и каютам разнеслось:

Внимание! Прослушайте объявление!

Внимание! Внимание! Говорит радиоузел дизель-электрохода «Достоевский».

Сегодня у нас день сюрпризов! В плавательном бассейне второй палубы проводятся соревнования по прыжкам в воду, а в концертном зале выступят лучшие танцевальные пары и одиночки в сопровождении нашего джаз-бэнда.

В заключение танцы. Вход бесплатный!

Всем желающим будет предложено: взрослым – по бокалу шампанского, детям мороженое.

В соревнованиях желательно участие пассажиров.

Победители и участники соревнований будут награждены ценными и бесценными призами, подарками и дипломами.

Просим пассажиров принять самое активное участие.

Вахтенный матрос, услышав слова о шампанском и мороженом, удивлённо спросил у напарника:

– Колян, а чего это всем пассажирам шампанское, да ещё бесплатно?

– Эх, ты, деревня, – засмеялся Колян, – ты что, с луны свалился? – Да за бесплатным, то есть, на халяву, человек, даже если ему это совершенно не нужно, десять вёрст готов пробежать! Вот увидишь, палубы быстро опустеют.

* * *

Василий Кириллович, ремонт закончили. Мы с инженер-электриком проверили работоспособность рулей – всё в порядке. Можете продолжать рейс. Я немного побуду здесь, посмотрю, понаблюдаю...

И после небольшой паузы спросил: «Василий Кириллович, могу я поговорить с вами тет-а-тет? Ну..., как бы это сказать..., совершенно без посторонних? Только вы, и я. И чтобы больше никого?».

– Хорошо. Когда закончите со своими делами, приходите, расскажете, что вас тревожит.

Капитан сам стал к штурвалу, и переложил рули с одного борта на другой несколько раз.

– Сергей Иванович, как у вас? Всё в порядке? – спросил он главмеха.

– Да. Можно начинать движение.

Проверив работоспособность рулевых электродвигателей, капитан, убедившись в их исправности, подал команду:

– Вперёд, малый!.

Теплоход послушно двинулся вперёд.

Капитан вновь переложил рули – сначала на один борт, затем на другой.

Теплоход, эта железная махина, послушно исполнил команды.

Убедившись, что теплоход послушен командам с мостика, Василий Кириллович подал следующую команду: «Вперёд, полный!».

Теплоход, набирая скорость, помчался быстрее скаковой лошади.

За кормой опять появился пенный след от винтов, а вымпел на мачте, от встречного ветра вытянулся в струнку...

Передавая штурвал рулевому, он произнёс: «Так держать!», а Васе сказал: «Продолжайте нести вахту. Когда закончите смену прошу зайти ко мне».

– Есть, зайти к вам после вахты! – ответил Вася.

Ответить то, ответил, но в сердце поселилась тревога: неужели капитан нашёл в моих действиях ошибки? Ох, не миновать мне нагоняя. Раньше он к себе не вызывал... неужели выговор влепит? Это ж первый выговор... Хоть бы только устным отделаться...

Глава восьмая

Ничего нового от Захарченко капитан не услышал. Вася лишь повторил свой прежний доклад.

Василий Кириллович похвалил юношу за принятое им правильное решение, спасшее судно от катастрофы. В заключение разговора пообещал отметить его в приказе.

Выходя от капитана, Вася столкнулся с главным механиком, и, уступая ему дорогу, спросил:

– Вы к капитану?

Сергей Иванович, подтверждая, молча кивнул головой.

Вася, ещё шире раскрыв дверь капитанской каюты, произнес: «Проходите Сергей Иванович», и неторопливо отправился к себе.

* * *

Вошедшего главмеха Василий Кириллович встретил не только вопросительным взглядом, но и вопросом:

– Сергей Иванович, о чём вы хотели со мной поговорить?

– Об отказе рулевого управления, – коротко ответил главмех.

Затем, приняв таинственный вид, вернулся к двери.

Подойдя к ней, и проверив – закрыта ли она, он ещё постоял прислушиваясь, затем уже расположился в кресле.

Удивлённый поведением старого друга, с которым он проработал не один десяток лет, капитан спросил:

– Что-то случилось экстраординарное? Это касается судна?

– Да.

– Серьёзное?

– Думаю, да.

– Рассказывайте.

– Вы помните, Василий Кириллович, о том, что я сказал по поводу штока?

– Помню, – ответил капитан.

Заинтригованный началом разговора, капитан вопросительно уставился на «машинного бога». А «бог» молчал, вероятно не зная с чего начать разговор.

Раскурив трубку, и пыхнув пару раз, он приготовился...

Но капитан, не дождавшись, с нетерпением спросил:

– Так что такого случилось Сергей, что тебе потребовалось говорить со мной при закрытых дверях.

– Я ещё раз тщательно осмотрел место перелома штока, и пришёл к выводу...

– Да не томи ты, Сергей, рассказывай! А то наводишь тень на плетень своими «Помнишь? Не помнишь!». Давай, выкладывай, что обнаружил! – уже начиная сердиться, приказал капитан.

Дождавшись, когда капитан закончит говорить, главмех продолжил:

...Шток, больше чем на половину, надрезан, и скорее асего, лазерной горелкой! Я хочу показать его специалистам...

– Подожди! Подожди! – остановил его Василий Кириллович, и даже вскочил с места. – Как это – надрезан? Как это – лазером? Для этого нужна стационарная установка, а у нас на судне её нет! Может у тебя, Сергей, в записке где-нибудь спрятана?

– Вася, не горячись. Ты сначала дослушай, а потом мы уж вместе подумаем, что, и как. Договорились?

Капитан перестал мерить шагами каюту, и, остановившись напротив механика, приказал: «Продолжай!»

...Так вот. Не обязательно иметь огромную стационарную установку. На сегодня уже разработана лазерная установка работающая на воде. Электроэнергии у нас навалом, вода – целое море, и умещается она в небольшом чемоданчике...

– Ты хочешь сказать...

– Ты правильно понял, – наклонил голову Сергей Иванович. – Это диверсия, так я думаю!

– Ты уверен в этом?! Но, откуда?! Но... кто?! – заволновался капитан. —

Потом, внезапно успокоившись, с иронией посмотрел на главмеха, и уверенно произнёс: «Да ну тебя! Придумаешь тоже – диверсия... Тебе самому-то не смешно?

Сергей Иванович не стал спорить с другом, он лишь сказал: «Как знаешь. Но я всё равно..., по приходу в Одессу, отдам шток на анализ. Кстати, сколько мы там простоим?»

– Двое суток, – буркнул капитан. – Ты свободен. Можешь идти заниматься своими прямыми обязанностями.

Уже закрывая за собой дверь, Сергей Иванович услышал, как его друг бормочет: «Придумает тоже... Диверсия, шпионы... Но начальника службы безопасности надо предупредить: пусть со своими архаровцами понаблюдает».

Главмех, услышав бормотание капитана, с удовлетворением покивал головой, и тоже пробормотал: «Хорошо придумал ты, Кириллыч. Последить, не поднимая шума, не мешает в такой ситуации».

Глава девятая

На мостике находились: вахтенная команда и капитан. Он пришёл удостовериться, что рейс проходит в штатной обстановке.

Тем более, что скоро должен будет появиться одесский входной маяк, и команда должна быть готова ввести судно в порт.

Уже появились крикливые чайки, верный признак близкого берега.

Пассажиры тоже почувствовали приближение к городу, и, любопытствуя, столпились у бортов.

Заговорило судовое радио: второй помощник капитана объявил о распорядке на теплоходе во время пребывания теплохода в городе-Герое Одессе.

Особое внимание он уделит желающим воспользоваться услугами экскурсоводов. В частности он сказал:

Уважаемые отдыхающие, обратите внимание, что...

И он принялся подробно знакомить с программой.

...На причале вас будут ожидать несколько автобусов с экскурсоводами. У всех разные объекты и направления экскурсий.

Пассажиры могут сами выбрать тему экскурсии, достаточно лишь подойти к человеку, у которого в руках будет соответствующий плакат.

Экскурсии бесплатны, так как их оплата входит в стоимость билета.

О культурной программе на самом теплоходе, на двое суток, можно ознакомиться на доске объявлений каждой палубы.

Стоянка теплохода – двое суток, то есть, до десяти часов утра понедельника.

Просьба ко всем пассажирам – не опаздывать! Теплоход отправится дальше по маршруту не дожидаясь опоздавших! Стоимость недоиспользованного билета не компенсируется!

* * *

Теплоход причалил к стенке, моряки опустили трапы, и пассажиры хлынули на берег.

Среди них находился и пассажир каюты номер семнадцать.

Отпросился на берег проведать сына, учившегося в одном из вузов Одессы, и начальник службы безопасности.

На вопрос капитана, кого он оставляет на судне вместо себя, начбез назвал фамилию своего заместителя.

Хорошо, сказал капитан, можете сойти на берег. Да, заместитель пусть поднимется на капитанский мостик, я хочу с ним поговорить.

Под бравурную музыку, льющуюся из динамиков теплохода, большая часть пассажиров заполнила автобусы. Каждый из них, отдыхающих, выбрал свой маршрут...

Свой собственный – по увлечению и приоритетам.

Остальные же, небольшими группами, по два-три человека, и одиночки, самостоятельно покинули территорию морского вокзала.

Среди этих групп и одиночек были начбез, Вениамин Семёнович, и пассажир каюты номер семнадцать.

Они одновременно сели в подошедший к остановке трамвай номер пять, и вышли у института народного хозяйства.

* * *

Вениамин Семёнович вернулся на теплоход часа через три-три с половиной. В одной руке он держал кулёк с яблоками, а виноградную кисть, держа в другой руке и ловя ртом ягоды, объедал.

У трапа, так было положено по корабельному уставу, стояли вахтенные:

Проходя мимо Васи Захарченко и боцмана Городилова, он, протягивая им кулёк с яблоками, великодушно произнёс:

– Ребята, угощайтесь. Таких замечательных яблочек как в Одессе нигде больше нет.

Боцман, взяв яблоко, сказал: «спасибо», и протерев носовым платком, с хрустом надкусил.

– Вася, а ты что же? – удивился Вениамин Семёнович.

– Я не люблю яблоки. У меня от них изжога, – отказался молодой помощник капитана.

– Как хочешь, – равнодушно пожал плечами начбез.

На самом деле Вася очень любил яблоки. Любил за их аромат, кисло-сладкую мякоть, и гладкую блестящую кожицу, но не любил Вениамина Семёновича.

Не любил и всё.

Вася не любил его, наверное, за излишнюю строгость к подчинённым.

Не любил за высокомерие и чванство, а иногда, и за фамильярность к младшим по возрасту и должности.

Возможно, он ошибался, и Вениамин Семёнович был прекрасным человеком и опытным сотрудником.

Возможно, Вася, из-за своей молодости и отсутствия жизненного опыта, слишком уж предвзято относился к нему.

Но что-то не нравилось ему в начбезе, не только как человеку и старшем товарище, но и, ему так казалось, специалисте.

Поэтому он и отказался от предложенного угощения, хотя и не смог удержаться, чтобы не сглотнуть заполнившую рот слюну.

Постепенно поток возвращавшихся пассажиров настолько увеличился, что Вася забыл о начальнике службы безопасности и его яблоках.

* * *

Электронные счётчики, установленные на входных проёмах судна, постоянно фиксировали убывающих и прибывающих пассажиров.

Поэтому, снятые коммерческим директором показания счётчиков на девять часов сорок пять минут понедельника, сразу же показали на отсутствие на борту судна одного пассажира.

Проверка наличия пассажиров коридорными, показала:

Отсутствует пассажир каюты номер семнадцать!

График, есть график, сказал капитан, и подал команду отчаливать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.